

Веч. Клуб - 1996 - 4 дек. - с. 10

Встреча с мастером

«Быть писателем — значит обречь себя на трагедию», —

убежден Семен Липкин. А он знает, что говорит

«Молсдой пиит! Вы хорошо начинаете, коли цензура вас запретила», — ободряюще заметил в конце 20-х годов Михаил Булгаков, обращаясь к поэту из Одессы Семену Липкину.

Стихи Липкина были впервые опубликованы лишь четверть века спустя в «Новом мире» Александра Твардовского. Позади была Великая Отечественная война, впереди — участие в альянсе «Метрополь», выход из Союза пи-

сателей и очередной запрет властей на профессию. И только совсем недавно почти все, что он написал, стало доступно отечественному читателю.

Семен Липкин — лауреат премии им. А.Д. Сахарова. В 1995 году Фондом Альфреда Тейфера (Гамбург) ему была присуждена Пушкинская премия за вклад в русскую литературу.

В этом году поэту исполнилось 85 лет.

— Семен Израилевич, время вашей юности, становления как поэта совпало с эпохой борьбы за социализм; во всем, касалось ли то, допустим, постановки спектакля или написания книги, власть прежде всего требовала соблюдения классового подхода...

— Как раз классового-то и не было. Например, Алексей Николаевич Толстой — граф, однако он очень пригнулся советской литературе. А Артем Веселый, один из немногих писателей, вернувшихся с фронтов гражданской с орденом, впоследствии был уничтожен. Существовал не столько классовый, сколько государственный подход: нужен ты государству или нет. В сущности что означал социалистический реализм? Метод, с помощью которого искусство должно было служить государству. Литература тоже была делом государства. Но так как государство большое и потребности его весьма разнообразны, то в печать нет-нет да и попадали хорошие книги. Скажем, Зощенко, Булгаков, Бабель, Платонов, Гроссман... Правда, это было скорее исключением из общего правила.

— Согласны ли вы с утверждением, что насаждавшийся советской властью атеизм негативно отразился на всем и вся, в частности на литературе?

— Октябрьская революция совершила два чудовищных преступления: превратила атеизм в государственную идеологию и лишила человека понятия собственности. Прежде всего атеизм развратил души людей. Между тем это понятие естественности очень важно для человека. Потому что

— не хочу показаться парадоксальным — тоже связано с верой в Бога. Человек есть творец, он творит книги, гвозди, ботинки — словом, кто что умеет. И когда осознает, что есть нечто высшее, творящее, то и его творчество становится жизненной потребностью. Потребностью иметь собственность и молиться Тому, Кто сотворил все. Конечно, можно не верить в Бога. Это право каждого. Например, Афанасий Фет не верил в Бога. Но он верил в некую высшую силу, которая не подчинена арифметическому сознанию, и создал насквозь религиозную лирику.

— Как по-вашему, не будь октябрьских событий 1917 года, все ли из тех, кто официально считался мастером советской литературы, стали бы столь известны?

— Был бы, допустим, Фадеев писателем, если бы не революция? Наверное, да, но не в первом ряду, и, думаю, даже не во втором. Наделенный, бесспорно, литературным дарованием, но очень скромным, он пошел по иному пути — стал литературным начальником, членом ЦК партии, ему приходилось ставить подпись под решением об аресте того или иного писателя. Может быть, он поступал так против своей воли — оттого и запой, и в конце концов самоубийство. Все это не случайно... Но в советское время появилось и много замечательных произведений. По-новому развернулся гений Ахматовой, Мандельштама... Самое крупное, что они написали, создано после революции, несмотря на гонения и репрессии со

стороны властей. Вообще быть писателем — значит обречь себя на трагедию. Всегда. При всех режимах.

— Это подтверждает и ваша судьба. Чего стоит только травля властей, связанная с вашим участием в альманахе «Метрополь» в конце 70-х годов...

— Было очень тяжело. Мы с женой (поэт Инна Лиснянская — Е.К.) подверглись хотя не очень страшным, но репрессиям. Исключили из Литературного фонда, выбросили из писательской поликлиники, перестали печатать не только наши официальные произведения, но и переводы... В наше отсутствие входили в дом, устраивали обыски. Постоянные вызовы на «проработки», допросы (за рубежом в то время в издательствах «Ардис», «ИМКА-пресс» стали выходить наши книжки, что с точки зрения советских властей считалось делом предосудительным). Особенно мучили Инну Львовну. Но она была очень тверда. Уезжать на Запад мы не хотели, хотя нас всеми силами выталкивали из страны. Мучили вплоть до 1986 года. В общем, это были противные годы.

— А сейчас ощущаете в вашей жизни перемены к лучшему?

— Да, вполне. Пожалуй, сегодня опубликовал почти все, по крайней мере процентов восемьдесят того, что написал за всю жизнь. Остальное я сам пока держу в столе.

— Вы — один из немногих российских поэтов традиционного классического направления...

— Я считаю, что поэзия

всегда традиционна. Наш знаменитый историк Василий Ключевский как-то высказал такую замечательную мысль: поэзия не знает хронологий. Кто современнее: Гомер или, скажем, Пригов? Все зависит от таланта. Что ново — то талантливо, что талантливо — то ново. Это слова Чехова. Вообще говорить о себе, что я поэт, все равно что заявить: «Я умен, красив, талантлив». Мы пока еще не знаем, кто останется в памяти потомков, а кого забудут. Но я убежден, что разум в поэзии бесплодно заменять заумью, реализм — сюрреализмом. Счастлив тот поэт, кто вслед за Ходасевичем имеет право сказать о себе: «Умен, а не заумен», кто умеет выпекать хлеб, а не «картонные позаканье булки».

— Но все-таки есть ли, по вашему мнению, в современной поэзии имена, которые останутся в истории?

— Безусловно, у нас были и есть поэты, достойные своих предшественников. Правда, немного. Я выделяю три имени, стоящих на вершине Парнаса. — Заболоцкий, Тарковский, Бродский. Вовсе не сбрасывающий Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета с парохода современности, последний из названных — Иосиф Бродский — один из тех, кто еще недавно вел этот корабль... Всегда были истинные и второстепенные поэты и просто люди со стихотворными способностями, ну и, конечно, бездарности.

Беседовала

Елена

КОНСТАНТИНОВА.

На снимке: Семен Липкин с женой — поэтессой Инной Лиснянской.